Поющая в репейнике

Автор:
Анастасия Машкова

Поющая в репейнике

Анастасия Машкова

Жизнь тридцатилетней Мани Голубцовой счастливой не назовешь: ни семьи, ни близкого человека, ни собственной квартиры. Череду скучных дней нарушает сенсационная новость о возможном аресте ее шефа – Павла Супина, якобы причастного к финансовым махинациям. Но Маня не верит в бесчестие шефа и бросается ему на выручку.

Впрочем, только ли дружеское участие руководит ею? Лучшая Манина подруга – красотка Ритуся – в этом сильно сомневается. Как, впрочем, и в том, что Павел – невинная жертва… И действительно, очень скоро доверчивая Маня оказывается перед тяжелым выбором, который полностью изменит ее жизнь.

Анастасия Машкова

Поющая в репейнике

© Машкова А. В., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава первая

Ее зовут Марией Голубцовой. Впрочем, Мария – это для паспорта и выволочек начальства.

«Мария, сосредоточьтесь!.. Мария, снова ошибка!…Мария, вы опоздали на двенадцать минут, а вчера, между прочим, ушли на десять раньше!»

Ее шеф – главбух Полкан – этакая верста коломенская с непроницаемым, как сейф, лицом, ни на кого не смотрит, ни с кем не водит дружбы и при этом все видит и все знает. Как ему это удается? Может, в бухгалтерии стоит камера? Маня проверяла – вроде не стоит. Или она вовсе ничего не понимает в разведтехнике, и, к примеру, камера прячется на макушке этой унылой пальмы, в которую Полкан, выходя из своего каземата, выливает заварку? Вот будет весело, если пальма в один прекрасный день рухнет, не удержавшись на подгнивших корнях, и камера, оказавшаяся пуховым пальмовым цветочком, полетит в заварку, а Маня выковырнет ее и продемонстрирует Полкану, сверкнув торжествующим взглядом: «Доудобрялись, Павел Иваныч! Начальство вам за это премию не выпишет. Нет-с!»

Впрочем, шуточки и фантазии, которые разнообразят и немного скрашивают скучную и, в общем, бестолковую жизнь Мани Голубцовой, «биографии ей не сделают». Так, во всяком случае, утверждает ее коллега Елена Стефановна, призывая Голубцову к серьезности. В принципе Маня соглашается с бабулькой-интеллигенткой, которая сидит справа от Мани, оцепенело глядя в монитор, и распространяет приторный аромат духов, доставшихся ей, видимо, еще от титулованной бабушки.

Елена Стефановна кичится своим дворянством. Возможно, настоящим. Она на полном серьезе крахмалит по субботам кружевные воротнички и любит в обед порассуждать о Голсуорси. Ну, начинала Маня читать эту «Сагу о Форсайтах». Надеется, что когда-нибудь сдвинется с пятьдесят восьмой страницы. Жизнь свою устроит – и сразу сдвинется. Вот, например, выйдет замуж за английского миллионера, родит троих детей, отправит их учиться в Оксфорд, а сама рванет в кругосветку на яхте с любимым мужем, который, как хорошее вино, с возрастом станет еще благороднее. Вот там и дочитает сагу про английскую знать, смахивая с глаз слезы крахмальным платочком, как человек, искренне разделяющий возвышенные аристократические

страдания. А пока…

А пока ее зовут Маней Голубцовой! И это имя – как диагноз. Или приговор. Что добавить? Разве что обмолвиться еще об одной Маниной мечте: раз и навсегда вытянуть волосы, чтобы эти чертовы кудри не торчали в разные стороны, словно охапка сена на пугале, и Голубцова не напоминала жизнерадостную толстушку-комсомолку из фильмов тридцатых годов. Кстати, чтобы уж окончательно разделаться с образом комсомолки, нужно бы распрощаться ей с парочкой ребер для обрисовки талии и скинуть пяток килограммов, дабы под щеками можно было разглядеть принципиальное наличие скул. (До видимых скул Маня не сможет похудеть никогда. Будем, в конце концов, реалистами.)

Впрочем, как говорит Елена Стефановна, вечно Голубцову несет в словесные дебри, а суть остается в стороне. Итак, по существу.

Мане – тридцать. Она приехала покорять Москву из маленького северного городка в восемнадцать. И единственное, с чем ей повезло – так это с хозяйкой комнаты, милейшей выпивохой-пенсионеркой тетей Алей. Они с ней живут душа в душу, как родня, хотя и познакомились случайно в автобусе – хотите верьте, хотите нет.

В девятнадцать Маня поступила в институт, в котором факультеты совмещались как ингредиенты в окрошке. Например, яйца и квас (на вкус Голубцовой редкая тошнотворность), то есть бухучет и история искусств. В общем, проспав два года на лекциях, она бежала из этого заведения, как от абсурда речи тети Али в день получения пенсии. Набралась жизненного опыта, увы, не всегда полезного.

Поработала там и сям – от тату-салона до детской библиотеки. Чуть сдуру не вышла замуж, но вовремя узнала о пристрастиях жениха к химическим опытам с органическими веществами отнюдь не лабораторного характера. Окончила с грехом пополам бухгалтерские курсы и осела несколько лет назад в этом сонном царстве, так называемом экономическом отделе конторы, которая занимается полной ерундой, но делает на этом миллионы. Вы слышали что-нибудь смешнее, ничтожнее и претенциознее слова «канцелярский»? Маня – нет.

Ее контора, расположенная в промзоне на севере Москвы, занимается этой самой смехотворной канцеляркой. Фирма имеет отделения в крупных городах и успешно продает по всей России ручки, папки и скрепки.

Маня не может найти убедительного ответа на вопрос: зачем человечеству пятнадцать видов степлеров и сорок семь видов маркеров? Лично Голубцовой хватило бы одного толстого красного маркерища, чтобы написать Полкану: «Отпусти брюки и купи новые носки!». Она присобачила бы это объявление степлером, напоминающим утюг, к годовому отчету, над которым главбух чахнет, как Кощей над златом.

Впрочем, слишком много внимания мы уделяем этому ничтожному персонажу – шефу Павлу Ивановичу Супину. Что, вообще, можно сказать о мужчине, который носит с короткими коричневыми брюками, торчащие вялой гармошкой над ботинками голубые носки в горох? Нечего сказать, господа! Хоть тресни – нечего. Возраст – не определен. Семейное положение – безнадежно. Внешность – полное отсутствие таковой. Финита!

В отличие от Полкана другие персонажи Маниной «столовки» вполне колоритны. Почему столовки? Да потому, что по иронии судьбы все фамилии сотрудников бухгалтерии имеют отношение к еде.

Маня – Голубцова. Павел Иванович – Супин. Елена Стефановна – Утинская. (Коллеги беззлобно называют ее за глаза Уткой.) А есть еще Наталья Петровна Блинова, внушительным стражем сидящая у самого входа в бухгалтерию, и бесподобная Маргарита Кашина, прячущая свой стол под жидкой сенью пресловутой пальмы.

Утка – бабка вполне безобидная и даже трепетная. Муж у нее – звездный профессор-химик, в котором Елена Стефановна души не чает. Говорят, бабки больше жизни любят своих внуков. Ерунда! Никто не помнит, чтобы Утка с придыханием поминала своих внучек или, на худой конец, сына. Ее цветик-семицветик – боготворимый супруг. Когда она звонит ему в обеденный перерыв, то краснеет, как влюбленная гимназистка:

– Бобочка, ты шарфик надел? Такой ветер сегодня холодный… Да, милый, да…

– Неужели такие отношения еще возможны в наше время? – мечтательно вздыхает Манина верная подруга Маргарита Кашина по поводу супружеской идиллии Утинских.

Сама Ритуся живет как на притаившемся вулкане. Но нет, сначала необходимо сказать о том, как Ритка выглядит. Слова «она красива» не передадут сути. Наверное, проще описать Манино ощущение от походов с Ритусей по Москве в первые месяцы их знакомства. Именно тогда Голубцова обзавелась неколебимым комплексом собственной неполноценности. На высокую, стройную, горделивую брюнетку с совершенным лицом а ля Моника Белуччи мужики не просто оглядывались, открыв рот. Они столбенели, цепенели и, кажется, решались предложить с ходу руку и сердце.

Несмотря на роковую и, в прямом смысле слова, сногсшибательную внешность, Ритка оказалась отличной девчонкой. Она из тех, с кем можно пойти в разведку. (Если в этой разведке не будет вашего мужа. На мужиков надежды, увы, нет никакой, хоть Кашина и малейшего повода не даст.)

И все же Ритуся – несчастное существо. Она замужем за богатеньким торгашом – форменным гадом, которого умудряется любить не меньше, чем Утка профессора. А гад Ритку, похоже, не любит. Нет, он, конечно, отправляет ее в Альпы вместе с дочкой Никой и дарит увесистые колечки, но этим весь пыл муженька исчерпывается.

Самое страшное, что он вообще не разговаривает с женой. Совсем. Он ее просто не замечает. По словам Ритки, как закончился медовый месяц, так муж и забыл о существовании благоверной.

В душе Маня считает Ритку бесхарактерной, но, впрочем, понимает, что резко менять налаженную и сытую жизнь страшновато. К тому же Ритка, бедолага, верит, что вернет любовь гада. Наивная трусиха, что и говорить…

Нудная работа, которую Кашина упорно не бросает, держит ее на плаву. В психологическом, конечно, плане. Десятилетняя Ника, как «хлебная карточка», могла бы прокормить матушку до совершеннолетия и, возможно, дольше. Но Ритка – молоток, тянет бухгалтерскую лямку и хоть немного отвлекается от своей золотой клетки в казенной комнатушке с вытертым паркетом и облупленными столами, перекочевавшими, похоже, со съемочной площадки

какого-нибудь советского фильма о передовиках производства.

Наталья Петровна Блинова – еще один «кулинарный шедевр» этой бух-столовки. Она – вторая бабулька, приятельница бабульки первой – Елены Стефановны. Впрочем, сама Блинова считает себя женщиной «в самом расцвете сил и красоты». Маня лишь усмехается, глядя на ее исполненную звероподобного апломба физиономию. Вот уж на кого она не хотела бы походить никогда, ни в каком возрасте и ни при каких обстоятельствах. Наталья Петровна толста, криклива, безвкусна и хитровата – пытается за панибратством и простецкостью скрывать свою хитромудрость. Для всех Блинова – этакая русская душа нараспашку. Но Маню не проведешь! Она уверена, что именно Наталья Петровна стучит на всех Полкану. Маню Блинова от души презирает, Ритку тихо ненавидит, перед Полканом изображает рвение, но, кажется, не преминет плюнуть в его любимую чашку, которую «по доброте душевной» споласкивает. И лишь с Уткой приятельствует и ценит ее, похоже, не только на словах.

К примеру, сегодня бабульки все утро обсуждают какую-то «румынскую стенку в хорошем состоянии», которую Блинова безвозмездно предлагает Утинской. Насколько успевает понять Маня, вдова Блинова съезжается с одним из своих великовозрастных сыновей. Стенка «в хорошем состоянии» категорически не вписывается в новый интерьер.

– Как же ты, Наточка, без привычной своей мебели? Это ведь… твоя жизнь, воспоминания! – попискивает и заламывает руки Утка.

– Да в гробу я видала такие воспоминания! Какой шкаф ни открою – все худшее так и всплывает перед глазами, – раскатистым баском парирует Блинова.

– К примеру, за книжками Гошка, Царство ему, конечно, Небесное, прятал поллитровки. Я один раз решила бутылку перепрятать, а своему соврать, что выпил он уже ее, пьянь такая подзаборная! Взяла стремянку и полезла в коробки с елочными игрушками. Ну и грохнулась с верхотуры своим молодым и хорошеньким личиком вниз. Бутылка вдребезги, два зуба – долой. Под корень сломала. Во, видала мои золотые?

Блинова оскаливается и демонстрирует свои верхние зубы. Будто никто не лицезрел до этого их драгоценного сияния.

Рита с Маней многозначительно переглядываются.

– Какая трагедия, Ната, – причитает Утка, морща лобик. – Но… если все это так тяжело, столько отрицательной энергии, я даже и не знаю… Ты ведь понимаешь, что негативные вибрации накапливаются и что космическая память, как безупречный компьютер, все хранит и, безусловно, влияет на окружающее пространство.

Маня тяжело вздыхает. Если Утка садится на своего любимого эзотерического конька, то все! Хоть святых выноси – не заткнется.

Блинова, подкованная подругой в вопросах взаимоотношения с космосом, милостиво выслушивает очередную порцию «святых законов», но возражает достаточно земно:

– Лена, какое пространство?! Твое пространство – Бобочка. Он, наконец, расставит все свои ученые тома, а ты впихнешь свои мракобесные брошюрки. И еще тьма-тьмущая места останется. На упаковки сенаде и артроцила.

– Зачем ты так, Ната? – оскорбляется Утинская.

– Да я серьезно! В этой стенке скарб всей нашей бухгалтерии можно похоронить, не то что распихать пожитки двух стариков не от мира сего.

Блинова обводит критическим взором стеллажи, битком набитые документами.

– Ну, в общем, да… – сокрушенно кивает Елена Стефановна. – У нас все так неорганизованно… Я же рассказывала тебе, что Бобочка три года спал на кровати с импровизированной ножкой из журналов «Иностранной литературы» за 85-й и 86-й годы. Кажется, и за 87-й тоже.

– Вот то-то и оно!

Блинова в раздражении встает и подходит к обеденному столику, чтобы включить чайник.

Рита смотрит на часы.

– Пора, Мань. Без пяти час.

Сегодня благодатное обеденное время приблизилось на удивление быстро. Быть может, потому, что досточтимого Полкана не было на месте все утро. При нем бабульки не посмели бы журчать в свое удовольствие битых три часа.

Маня выпархивает из-за стола и спешит присоединиться к Рите, которая уже надевает пальто. А то сейчас откроется холодильник, бабульки начнут доставать свои судки с баночками и по бух-столовке поплывет непередаваемый запах домашних тефтелей и солянки. От него, как, впрочем, и от глупой болтовни старших коллег, Маня с Риткой убегают на улицу: стараются использовать законный час отдыха по полной. Ходят в ближайшую забегаловку перекусить и под настроение прогуливаются по торговому центру, где Ритка примеряет какие-нибудь сумасшедшие сапоги или блузки. Маня на ценники не смотрит из принципа: какой в этом смысл? С «канцелярскими» зарплатами может позволить себе что-нибудь только в период распродаж. Ритка же на ценники не смотрит, потому что может купить все, что душа пожелает, но редко что выбирает из этого «барахла». Словом, подруги ходят в магазин глазеть, болтать и хихикать.

Преодолевая сопротивление пронизывающего декабрьского ветра и прикрываясь от снежной мороси зонтами, подруги бегут к стеклянным дверям торгового центра, норовя переломать ноги. Ритка приучила Маню всегда быть в форме и не давать себе поблажек в виде удобных ботиночек на плоской подошве. Маня мучается на каблуках, каждый день наводит марафет-макияж, мерзнет в модном пальтишке. Красота, зараза, требует еще каких жертв!

– Ритка, я больше этого терпеть не могу! Для кого все эти муки ада? Для Полкана? – кричит Маня подруге, которая на своих длиннющих ногах мчится, как грациозная лань, впереди. Волосы ее стильно развеваются на ветру. Просто кадр из рекламы средства от простуды. Типа, выпей эту чудо-хреновину и почувствуй себя в промозглой Москве как под солнцем Майами – счастливой, здоровой, полной сил.

– Мань, не будь Блиновой! Подумаешь, какое дело – тридцать метров пробежать? – осаживает ее на ходу подруга, едва поворачивая голову и улыбаясь.

– Так холодно! У меня даже желудок свело.

– Ничего, сейчас выпьем капучино и оживем.

Едва подруги усаживаются за столик, чтобы с наслаждением приняться за кофе и сэндвичи, как Рита толкает под столом ногу Мани.

– Земля сошла с орбиты?! – шипит Кашина, вытаращив глаза.

Маня с осторожностью берет стаканчик из руки подруги, чтобы кофе не выплеснулся на ее дорогущую юбку.

Впрочем, Голубцова тоже замирает, повернув голову влево. За соседним столиком, сгорбившись и уставившись в тарелку с салатом, сидит… Супин Павел Иванович. Его нахохленная фигура и отрешенный взгляд из-под старомодных очков поражают Маню не меньше, чем Ритусю.

– Ты видела его здесь когда-нибудь? – шепчет Рита.

– Н-нет. Я думала, что зомби обходятся без еды и питья. Во всяком случае, наш зомби точно не знает о существовании кафе и обедов, – бормочет в ответ Маня.

Полкан вздрагивает и начинает озираться, почувствовав пристальные взгляды. Он смотрит затравленно на подруг, и, дернувшись, вскакивает со стула. Через мгновение его место занимает толстый мальчишка с горой картошки фри на подносе.

– Рит, слушай, а как это Полкан залетел сюда, не объявившись в конторе? – говорит задумчиво Маня, прихлебывая кофе.

– И что? В банке, как водится, торчал, да вдруг проголодался. Не такой уж он законченный зомби, – отмахивается Рита.

– Не-а. Число неподходящее. Он должен быть на месте с раннего утра. Я думаю, с Полканом что-то не так… Но что?! Неужели все серьезно?

Ритуся прыскает в ответ, ловко управляясь с куриной грудкой. И как это у нее получается превращать поедание банальной курицы в эстетическое действо?

– Да таких зануд только вперед ногами из рабочего кабинета выносят!
С почестями.

Но Рита ошибается.

Когда подруги возвращаются в отдел, то видят небывалое смятение в глазах Утки и Блиновой. Те сидят навытяжку за своими столами и косятся на дверь кабинета главбуха, откуда слышатся негромкие голоса.

– Что происходит? – шепчет Рита, обращаясь к Блиновой.

Та обычно всегда все знает и спешит поделиться своей осведомленностью. Но на этот раз она ведет себя странно – бледнеет и подносит палец к губам. А потом категорично замахивается на Утку, которая пытается что-то произнести. Утка прижимает платочек к глазам и вскакивает. Маня выбегает за ней из комнаты.

– Что, Елена Стефановна, что происходит?! – наступает на бабульку Маня.

– Проверка… Следователь… Растрата. Подделка налоговых документов! – выпаливает Утка, брызжа слюной.

Но тут из лифта выходит незнакомый человек в сером костюме и с таким же серым лицом. Елена Стефановна начинает нести ахинею:

– А я и говорю Минечке, своему сыну, разве так я воспитывала тебя с папой? Нельзя говорить с женщиной на повышенных тонах, да еще в присутствии детей…

Серый человек поворачивает в другое крыло. Утка переводит дух, приваливаясь к стене.

– Манечка, я не могу в это поверить, не могу!

У Утки дрожит подбородок, а в глазах стоят слезы.

– Да во что?!

– В то, что Павел Иванович… вор.

Последнее слово она произносит едва слышно, утирая лицо платочком.

– Да что за чушь?! – прыскает Маня. – В это не поверит никто!

– Никто, кроме генерального и прокуратуры. Эти уже поверили. Вон какая проверка! Так и шастают люди в сером. Тридцать седьмой год какой-то… Спаси нас, Господи, от него и помилуй.

Утка, позабыв свое «космическое» учение, усердно крестится.

Маня все еще не может прийти в себя. Впрочем, она пытается что-то сказать, но лишь хлопает губами, видя, как по лестнице поднимается подозреваемый Супин собственной персоной. Или его двойник. Что-то не так в облике Полкана. Нет, он все так же костляв, высок и несуразен, но… «Костюм!» – вдруг понимает Маня. Полкан одет в черный стильный костюм. Быть может, поэтому его вид кажется еще более похоронным. На традиционно бесстрастном лице главбуха странно смотрятся его глаза. Непривычно горящие.

– Здравствуйте, – как всегда сухо здоровается он с подчиненными и берется за ручку двери.

Дамы сочувственно желают шефу доброго дня. Утка, кажется, пытается коснуться локтя опального начальника.

– Разве перерыв не закончен? – прерывает он их кудахтанье. – Почему не на рабочем месте?

Маня едва сдерживается, чтобы не выпалить в лицо этому надутому индюку что-нибудь эдакое уничижительное. Но ее опережает Утка. Она, всхлипывая, шепчет:

– Павел Иванович, в вашем кабинете эти… страшные люди.

– Что за беспокойство, Елена Стефановна, из-за обычной проверки? В нашем отделе все в полном порядке. Или вы в чем-то сомневаетесь?

Полкан сверлит Утку взглядом из-под своих несуразных очков. Маню всегда мороз по коже продирает от этого его взгляда.

«Ах, эти серые глаза меня доста-али…» – поют они с Риткой иногда, натерпевшись от шефа.

Сегодня в его взоре таится особая, какая-то зловещая значительность.

«Да неужели и в самом деле он гадкий верткий жучок? А вовсе не сухарь, педант и карьерист?» – обрушиваются сомнения на Голубцову.

Полкан переводит свой стальной взгляд на Маню.

– Голубцова, а вы снова напортачили с цифрами по отгрузкам за прошлый месяц! – припечатывает он.

– Эдак у нас не только недостача, у нас полное банкротство случится.

– Я проверю, Павел Иванович… Я сейчас же исправлю…

Полкан не слушает ее лепет. Он переступает порог бухгалтерии.

Утка с Голубцовой входят за ним.

Дверь в кабинет шефа распахнута. «Серые» люди негромко переговариваются, просматривая кипы бумаг, разложенные на столе. Полкан садится на стул, скрестив руки на груди.

Странно видеть его на месте посетителя, а не хозяина. Начальственное кресло пусто… Впрочем, нет, на него тоже кидают какие-то папки. Супин морщится. Он терпеть не может беспорядка.

Рита и Блинова упорно делают вид, что погружены в работу. Маня с Еленой Стефановной бесшумно садятся на свои рабочие места, устремляют свои взоры к мониторам компьютеров, хватаются за мышки. В их комнатке устанавливается безнадежная тишина.

– Прикройте дверь, Павел Иванович, – командует Полкану один из «серых».

Супин бледнеет, с достоинством встает и захлопывает дверь. Его лицо искажено плохо сдерживаемой яростью. Маня готова вскочить, подбежать к Рите и сообщить ей на ухо, что Полкан, оказывается, не лишен мужского шарма. Да что там, он просто красив сейчас! Вот что творит с людьми нежданная беда.

Блинова со значением кивает Утинской, и бабульки с видом заговорщиц покидают бухгалтерию.

– Рит, что делать? – шепчет Маня.

Кашина не отводит глаз от компьютера, цедит сквозь зубы:

– Работать. Что еще нам остается? Еще ждать допросов, мать их…

Она достает из ящика стола бумажную салфетку и свирепо сморкается.

Маню начинает терзать вина за происходящее.

«Могла ли я напортачить так сильно, что всю нашу столовку привлекут теперь к ответственности?.. Да нет, это страшный сон и наваждение… Нет! Но все же…»

Она не в силах больше сидеть и пялиться на столбики цифр. Бессмысленных, жестоких цифр, которые будто глумятся над ней, расплываясь, пританцовывая, сбиваясь в кучки.

Маня вскакивает и выбегает из комнаты. В дальнем конце коридора, у окна, стоят бабульки. Подходя к ним, Голубцова слышит фразу Блиновой:

– Я лично не могу в свете всего происходящего пустить к себе в дом человека, подозреваемого в уголовном преступлении. Дыма без огня не бывает. Нет!

– Это полный абсурд! Все разрешится скоро. И прекрати, Ната, посылать в космос негативные установки! – горячо отвечает ей Утинская.

– Ну, Мария, а что думаешь ты по поводу происходящего? – обвиняющим тоном вопрошает Блинова, повернувшись к Голубцовой.

– Я в шоке, – вздыхает Маня.

– Какие все же грубые словесные клише любят сегодняшние молодые женщины, – морщится Утка.

– Плевать на слова! – шикает на нее Блинова. – Все мы в шоке. А наш замечательный главбух уже неделю ночует в своем кабинете на стульях. Да! И тут же начинают происходить все эти проблемы с законом.

Маня с недоумением смотрит на Наталью Петровну.

– А ты не знаешь, что Супину негде жить с недавних пор? К нему, видите ли, бывшая жена приехала из Германии с сыном.

– У Супина есть сын?! И жена?!

От недоумения у Мани даже голос садится.

– Ха! – торжествует Блинова. – Она бросила его несколько лет назад. Ты, милочка, тогда еще и близко к нашей бухгалтерии не подходила. Укатила в Германию с младенцем к какому-то Фрицу. Или Гансу. Ну и, ясное дело, надоела ему без меры.

– Ну откуда ты все это знаешь, Ната? – укоризненно качает головой Утка.

– Я все и про всех знаю. С людьми надо уметь общаться.

Круглые щеки Блиновой наливаются румянцем.

«Звездный час интриганки и сплетницы настал», – думает Маня.

Между тем «интриганка» продолжает вещать:

– Жить вместе, как выясняется, бывшие супруги не могут. Поэтому Полкан жертвует квартирку этой дамочке и сыну. Надеюсь, пока только фактически, а не юридически. Впрочем, это уже не мое дело.

– Да, это и в самом деле не наше дело, – вклинивается Утинская. – Он вполне может снять жилье, пожить у друзей.

Блинова вздыхает:

– Да не больно он друзьями богат, как видно.

– Слушайте, он может снять комнату у моей бабы Али! – вскрикивает Маня. – У нас же трешка! Гостиная пустует.

– Не связывайся с уголовником, не надо, – кривит пухлый рот Блинова. – Возможно, ему через день-другой совсем другое жилье будет уготовано. Нары, шконки или как там все это в тюрьмах называется?

– Перестань, Ната! Вот ты опять со своим негативом. Не засоряй космос! Он же немедленно реагирует, я ведь тебе объясняла, – сетует расстроенная Утка.

– Да никакой он не уголовник! – рявкает Маня. – Пусть лучше генерального проверят, а наш Полкан честен и прост, как… как бревно папы Карло!

Бабульки осуждающе качают головами.

– Тише, Манечка! Нас же могут услышать, – прижимает ладошку к воротничку Утка.

– Похвальное рвение, Голубцова. Но несвоевременное, – скептически замечает Блинова. – Поздно, подруга, пить шампанское. Этот кавалер потерян для женского внимания. Я когда еще Рите намекала: «Обрати внимание на Павла Ивановича». Нет, «Рублевки» таким, как она, милее! А ты Манечка, ты… знай свой шесток! Ищи среди себе подобных. В столице полно гастарбайтеров. А наши сыночки предпочитают москвичек, имей в виду.

Маня вспыхивает:

– Какая же вы, Наталья Петровна… добрая и умная… Я давно это хотела вам сказать.

– Тише, девочки! Вы совсем с ума посходили, – молит Утка.

– Отчего же, Ленушка, приятно услышать правду в лицо. Я и сама такая. Правдолюбка! Значит, по мнению Голубцовой, я идиотка и сволочь. Мои догадки подтвердились!

Блинова заливается устрашающим румянцем.

Маня разворачивается и стремительно направляется в ненавистную бухгалтерию. Елена Стефановна, кажется, принимается рыдать. Но Мане не до старушечьих стенаний.

Влетев в отдел, она подбегает к кабинету Полкана, распахивает дверь и громко заявляет:

– Павел Иванович! Мой отчет по последним отгрузкам готов. Я бы хотела, чтобы вы проверили, все ли в нем в порядке.

Супин, сидящий на стуле сгорбившись и обхватив колени руками, выпрямляется и смотрит на Голубцову изумленно и… ободряюще. Кажется, в его глазах даже начинают плясать чертики.

– Да, Мария. Хорошо. Спасибо, – выговаривает он, чеканя слова.

Троица «серых» с недоумением смотрит на бесстрашную Голубцову. Впрочем, недоумение быстро сменяется подозрительностью.

«А и плевать! Я ничего плохого нарочно не делала. И не намерена никого бояться! И Полкан не может ничего воровать. Нет и нет!» – думает Маня, разворачиваясь на каблуках и с достоинством шествуя к своему столу.

В кабинет бесшумно входят бабульки и шмыгают к своим столам. Вновь повисает роковая тишина.

И вдруг на колени Мани падает записка. Это Рита, проходя к обеденному столику за своей чашкой, роняет сложенный листок из блокнота.

На нем округлым почерком Кашиной выведено: «Не лезь не в свое дело и прекрати строить из себя декабристку».

Маня с гневным недоумением смотрит на Риту, лицо которой непроницаемо. Впрочем, поговорить с подругой не представляется никакой возможности. Из каземата Полкана выходит один из «серых» и замирает, уставившись на местную красотку. Рита одаривает его дежурной улыбкой и, к негодованию Мани, изрекает:

– Чаю, быть может? У нас отличный цейлонский чай. Прямые поставки с плантаций, а не магазинный мусор.

«Серый», будто кобра, гипнотизируемая заклинателем-Ритусей, расплывается в преданной улыбке:

– Из ваших рук – все что угодно! Спасибо.

С небес на землю его опускает начальственный окрик:

– Не до чаев, Роман Анатольевич! Выносите все, что надо, и опечатывайте кабинет.

Он обводит подчиненных Супина испытующим взором.

– А всех сотрудниц я попрошу немедленно отправить документы, находящиеся в работе, на почту главбуха. Они также будут изучены. Ваш отчет, госпожа, э-э… – Серый диктатор смотрит злобно на Маню, щелкая пальцами.

– Голубцова! – Маня старается сохранять достоинство, выпрямляет спину. Но голос ее сипит, губы подрагивают.

– Да, госпожа Голубцова, ваш отчет мы изучим особенно внимательно.

Диктатор кивает заколдованному Ритусей коллеге, и они скрываются в кабинете. Но дверь остается приоткрытой и до ушей бухгалтерш доносятся слова:

– Вы знаете, какая ответственность положена за нарушение подписки о невыезде, господин Супин?

Видимо, он получает положительный ответ, так как удовлетворенно басит:

– Ну вот и отлично. Можете быть свободны. Пока, хм…

Павел Иванович выходит из своего кабинета… или бывшего своего кабинета. Никто из женщин не осмеливается на него взглянуть. Даже Блинова обращается к Полкану, очень тихо, почти шепотом и делая вид, что ищет что-то очень важное и где-то под столом.

– А что же с нами-то теперь? Как нам…

– Спокойно работайте. Кто-то заменит меня на время следствия. Свято место пусто не бывает.

Полкан кивает в пространство и выходит из бухгалтерии.

После значительной паузы, во время которой из кабинета доносится противный скрежет, комнатку оглашает мученический вздох Утинской. Она, конечно, промокает слезы крахмальным платочком.

– А бледненький какой – просто страшно за его сердце и сосуды. И чем мы прогневили вселенную? – шепчет Утка.

Блинова хлопает рукой по столу и грузно встает.

– Ну, девочки, хватит уже! Я – сами понимаете, куда. – Она тычет пухлым пальцем в направлении потолка и отправляется на разведку.

Приемная генерального находится этажом выше, а Наталья Петровна водит дружбу с верной секретаршей начальника – сухенькой суетливой дамочкой лет пятидесяти, которую все, включая юнцов-водителей, зовут Люсечкой.

Кто-то когда-то поведал Люсечке старую присказку про «маленькую собачку, что до старости – щенок», и Люсечка вовсю пытается эту «щенячью» сущность в себе культивировать. Впрочем, при внешней инфантильности она умеет, если надо, отстаивать интересы руководителя не хуже волкодава. И порядок блюдет образцовый. Генеральный ей доверяет безоговорочно, а в конторе над экстравагантной секретаршей посмеиваются лишь новички, которых быстренько ставят на место старшие коллеги. Ведь Люсечка – неприкосновенная собачка-талисман, стоящая на страже царства кнопок и карандашей.

На начальственном этаже царят странная тишина и безлюдность. Из приемной генерального не доносится ни переливчатого голоска Люсечки, ни речитатива просителей, ни телефонных трелей или звука принтера.

Наталья Петровна с испугом заглядывает в приемную. Люсечка сидит за своим столом, уронив голову на руки, и беззвучно рыдает. Ее взбитые платиновые кудряшки подрагивают.

Блинова с ужасом смотрит на распахнутые и выпотрошенные шкафы, на бумаги, валяющиеся на полу, и на сдвинутый вбок монитор Люсечкиного компьютера.

Услышав шорох, секретарша поднимает голову и, увидев бухгалтершу, протягивает к ней свои кукольные ручки:

– Ната! Хоть ты! Хоть ты не предавай! Все – предатели! Коршуны, рейдеры! Это – захват, Ната! Это просто беспредел и конец мира…

Она снова заходится в рыданиях. На белый воротничок ее блузки капает черная капля потекшей с ресниц туши. Блинова кидается к холодильнику, в котором, как она помнит, хранится корвалол…

Между тем «серые» в гробовой тишине выносят из кабинета главбуха компьютер и коробки с документами. Загипнотизированный Ритусей наклеивает на дверь полоску бумаги с печатью. Он косится на Кашину, но та увлеченно щелкает мышкой. Поняв, что ни на чай, ни на внимание красотки рассчитывать не приходится, страж законности понуро удаляется вслед за своими коллегами.

Избавившись от страшных гостей, бухгалтерши дружно выдыхают и откидываются на спинки стульев.

– Что же нам делать, деточки? – робко вопрошает Утинская.

– Подождем вестей от Блиновой. Впрочем, думаю, сегодня мы уже можем быть совершенно свободны, – хладнокровно произносит Ритуся.

– Рит, тебе и в самом деле плевать на то, что происходит? – Маню коробит черствость подруги.

Рита фыркает:

– А что ты так переживаешь за Полкана? Нас-то в одночасье вряд ли уволят. Нужно же кому-то сводить баланс и считать зарплаты.

– Ты что, не понимаешь? – Маня вскакивает и начинает метаться по комнатке. – Если дело серьезное, то всей нашей конторе пришел конец! Всем нам! Впрочем… да, я догадываюсь, что тебе плевать. Ты не можешь по-настоящему дорожить этой работой и этой смехотворной зарплатой.

– Ты очень догадлива.

Рита не смотрит на Маню и выключает компьютер.

– У меня начинается мигрень. Я в ближайшие два дня не работник. Все! Ухожу. Таблетку только выпью.

Она выдвигает ящик и достает упаковку обезболивающих.

Маня замечает, что вид у Кашиной и впрямь довольно болезненный. Под глазами залегают темные круги, в лице – ни кровинки.

– Маня, Рита, как вы можете?! В такой час?! – скорбно вопрошает Утка.

В эту минуту в бухгалтерию влетает перевозбужденная Блинова.

– Что?! – кидаются к ней все.

– Полный абзац! Генеральный в больнице с подозрением на инсульт, Люсечка то бегает по потолку, то сидит на стуле в полной несознанке и соплях. Сегодня у них с раннего утра тоже были обыски… По всему лавочка-то наша приказывает долго жить. С чем я вас и поздравляю!

Блинова, отдуваясь, валится на свой стул.

Рита, бледнея еще больше, сжимает губы и, накинув пальто, молча выходит из бухгалтерии. Наталья Петровна с недоумением смотрит на хлопнувшую дверь.

– А эта что? Уже уволилась? Как там твое любимое слово, Лена, все время забываю?

– Превентивно, Ната. Превентивно. Это значит – упреждая. Но нельзя уволиться превентивно… Или можно? О Господи, о чем я?! При чем тут слова? Ната?!

– Вот что я вам скажу, подруги!

Блинова понижает голос, с опаской оглядываясь по сторонам.

– В этой опасной ситуации политика наша может быть только одна: хата – с краю. Понятно тебе, Голубцова?! Мы к делишкам начальства отношения не имели, ничего не слышали, ничего не знаем. И точка!

– Так мы и в самом деле ничегошеньки! – шепчет Утинская.

Маня понуро кивает:

– Да, я ума не приложу, что может быть в нашем болоте не так.

– Болото-то болото, а выручки растут, как на дрожжах. Отдел оргтехники открыли? Сувенирку расширили в три раза! Я на этом сижу – знаю про каждый рубль дохода с копеечки.

Глаза Блиновой сверкают то ли праведным гневом, то ли неприкрытой завистью.

– Мне вон Люсечка рассказала, как генеральный месяц назад хвастал перед каким-то тузом, что нам в России сам черт не конкурент. Дохвастался!

Наталья Петровна по излюбленной привычке бухает кулаком по столу.

Утка всплескивает руками:

– О господи! Разве можно так неосмотрительно бросаться провокационными фразами в сторону демонических сущностей. Этого космос не проща…

– Помолчи ты, наконец, со своим космосом! – замахивается на нее Блинова.

– Короче, девки, туфта это все, а не проверка. Кто-то натравливает на нашу контору прикормленных следователей.

– Рейдерский захват? – догадывается Маня.

– Вот-вот, все умных слов понахватались. А по мне, что один генеральный, что другой – все одним миром мазаны, деляги! И всем им нужны простые работяги вроде нас с вами. Так что пережидаем бурю тихо.

Блинова хватает пластиковую папку и начинает ею обмахиваться.

– Постойте, то есть нашего Полкана могут за просто так, за честные глаза упечь в каталажку?

Манин возмущенный вопрос Блинова оставляет без ответа. Утка же философски замечает:

– Чужая душа – потемки. Что мы, в сущности, знаем об уважаемом Павле Ивановиче? Что он прекрасный главбух?

– Именно, – поддакивает Блинова. – Ничегошеньки мы не знаем. Как он там денежки прокручивал и в какие игры с генеральным играл. Не будь наивной, Мария!

– Конечно, это очень удобная позиция. Очень. – Голубцова садится за свой компьютер. Спиной к бабулькам.

Глава вторая

Маргарите с третьей попытки удается вставить ключ зажигания в замок. Руки ее дрожат. Озноб сменяется жаром, и обезболивающее ничуть не помогает: голова будто наполняется клубком змей, жалящих надбровья, виски, глаза. Рита откидывается на спинку.

«Неужели я смогу это пережить?.. Да, смогу. Должна ради Ники. Ради нашего будущего. Кто бы на моем месте поступил иначе?! Кто?! Утка с Блиновой? Впрочем, разве они мне судьи?! Что они знают, что видели в этой жизни, кроме калькуляторов, бабьих сплетен, беззлобного понукания мужей? И Манька моя поймет, если узнает… А впрочем, нет… Даже она, святая простота, не примет этой лжи. Она тем более не простит…»

Рита растирает по щекам слезы и выхватывает из сумки мобильник, вызывает ненавистного абонента. На том конце трубку берут после первого звонка.

– Ты доволен?! Счастлив?! – яростно выкрикивает Рита.

– А почему я должен быть счастлив? – индифферентно высказывается собеседник после небольшой паузы. – Рабочий момент, ёлы, который будет стоить мне самого дорогого – дочурки.

– Дорогого?! Какой же ты ублюдок, какой же…

– Без тявканья! Ника все еще у меня, и в любой момент я могу наши договоренности прихлопнуть. К тому же я по-прежнему уверен, ёлы, что в теплой и сытой стране ей будет значительно лучше.

– Да, хорошо, – бессильно выдыхает Рита. – Когда ты привезешь ее? Когда я смогу хотя бы поговорить с ней по телефону?!

– А вот с этим, пардон, спешки быть не может. Надеюсь, за неделю вопрос с твоей… в смысле, уже МОЕЙ канцелярской империей утрясется, вот тогда…

– Но ровно через неделю ты летишь в Таиланд?! – Рита цепенеет.

– Да, и что?

– А то, что я не позволю себя обмануть! Я не верю тебе! И поэтому завтра же ты привезешь мне Нику и мы все оформим у юриста. Твой отказ от дочери! Только в обмен на него я помогала тебе в этом чудовищном преступлении.

Бывший муж снисходительно хмыкает.

– В нашем преступлении. В нашем, ёлы. И все будет так, как я решил. Веришь ты или нет. Поняла?!

Он взвизгивает так громко и неожиданно, что Рита едва не роняет телефон.

– Так что в следующий вторник, если обстоятельства будут благоприятны, наша девочка переедет на ПМЖ к маме. За что, зуб даю, она спасибо папе впоследствии не скажет. С папой спокойнее и фартовее. Ну да ладно! Матерей не выбирают. В отличие от жен, ёлы. Хоть в этом мы пока свободны.

– Довольно! – выкрикивает, рыдая, Рита. – Лекциями будешь кормить свою финансовую акулу со стальной челюстью! Пока она тебя окончательно не дожрет… Я не могу, пойми, не могу ждать до вторника! Времени мало, мы можем не успеть оформить документы!

Она вдруг меняет тон, начинает лепетать униженно, по-детски:

– Миша, умоляю, Мишечка! Давай все решим в эту пятницу. Времени совсем мало, вдруг мы не успеем со всеми этими формальностями? А за три дня твои люди, конечно, дожмут генерального. Он, я уверена, уже готов…

– До вторника, я сказал. До следующего вторника! – жестко выговаривает Михаил Кашин и дает отбой.

* * *

Бабульки до конца рабочего дня кудахчут по поводу неслыханных событий в их сонной до этого дня конторе.

В восемнадцать ноль-ноль подружки облачаются в верхнюю одежду.

– Манечка, седьмой час! Маня! – зовет Голубцову Елена Стефановна.

– Да оставь ты ее, Ленушка. Каждый по-своему переживает стресс. Марии хочется его забить работой.

– До свидания! – Маня оборачивается к бабулькам и доброжелательно машет им ручкой. – Я из принципа доведу свой отчет до совершенства и отправлю его на почту карателям с пометкой: «Получай, фашист, гранату».

– Ну и дура.

Блинова пожимает плечами и, махнув Утке, выходит из бухгалтерии. Утинская, пискнув: «До завтра, Манечка», – тоже покидает пределы унылой бух-столовки.

Маня с грустью смотрит на пальму. Кажется, ее листочки сегодня выглядят бледнее и апатичнее, чем обычно.

«Кто-то тебя теперь удобрит чайной заваркой?» – кивает Маня пальме.

– И кто, в конце концов, будет меня строить? – высказывается она вслух.

Маня вдруг понимает, что все то время, пока она работает с Супиным, воспринимает его строгость как условие безобидной игры. С уходом Полкана все в жизни Марии может измениться самым неожиданным образом. Дуракаваляниию, смешкам и ошибкам без наказаний придет конец. И где тогда Голубцовой искать новую безопасную бух-столовку, к которой она, оказывается, не просто притерпелась. Да неужели прикипела душой? Нет, конечно, о фанатичной любви к месту службы Маня бы говорить не могла, но… Рита, бабульки, Супин с его показушной строгостью и несуразными очками, неподражаемая Люсечка, наконец, – все они уже стали главной частью ее жизни. Быть может, для кого-то жизни бестолковой и незначительной. Что ж? Наш «респект» аристократам, уплывающим вдаль на яхтах, и душевное «здравствуй» родным Полканам и Уткам. Таким, какие они у Мани есть.

– Голубцова?!

Растерянный голос Супина застает расчувствовавшуюся Маню врасплох. Она вскакивает и смотрит растерянно на шефа.

– Вы, собственно, что здесь?

– Я работаю… Хочу подчистить некоторые хвосты и постараться… э-э…

Маня видит, что Полкан не слушает ее, а изучает свою опечатанную дверь.

– Вы… вы? – мнется Маня.

– Я? Я забыл в кабинете свою любимую чашку. С зеленой каемочкой. Не могу, знаете ли, без этой каемочки спокойно жить.

Маня поджимает губы, чтобы подавить смешок. Полкан и чувство юмора – вещи несовместимые. Так, во всяком случае, Маня думала до этой минуты. Впрочем, она о многом, оказывается, думала совсем не так, как надо бы.

– Да, и бумажная полоска может стать железобетонной преградой при некоторых обстоятельствах. Вот ведь как интересно, – изрекает Супин и неловко садится на стул, будто железный гибкий метр складывается пополам.

– Что ж, Мария, посижу, подумаю, да и пойду восвояси. И вы с чистой совестью идите домой. Ваш показательный отчет ничего не изменит. Ничего…

Полкан снимает очки и начинает протирать их аккуратно сложенным платочком. Без очков главбух выглядит моложе и симпатичнее. Глаза у него становятся большими и какими-то по-собачьи доверчивыми.

Маня решается:

– Павел Иванович, я совершенно случайно услышала сегодня, что… вам негде жить. Нет, простите за бестактность, я не хочу лезть не в свое дело, я вовсе не такая сплетница и все прочее…

– Мария, прекратите оправдываться. Я прекрасно знаю, что вы не сплетница. И жить мне действительно негде в связи с… форс-мажорными обстоятельствами. Но я этот вопрос уже решил. Завтра снимаю квартиру. С арендой жилья в столице нет никаких проблем. Никаких.

Он начинает стучать пальцами по столу. И снова – открытие. Руки Павла Ивановича впервые кажутся Мане красивыми. Длинные пальцы, ухоженные ногти, узкая бледная кисть. Аристократ, да и только!

Но, кажется, присутствие Мани начинает тяготить Полкана. Он в нетерпении переминается на стуле, играет полой длинного пальто. И почему оно раньше казалось Голубцовой убогим? Нормальное, добротное такое пальто. Что за день откровений выдался сегодня?

Маня долго копается в сумке, достает и снова кладет внутрь кошелек, мобильник, пудреницу, пастилки для горла. Молчание становится тягостным.

Вдруг Маня прыскает:

– Знаете, как моя тетя Аля, ну, это женщина, у которой я много лет снимаю комнату, готовится к выходу и проверяет, все ли на месте? Она стоит у двери и будто список зачитывает наизусть: телефон, ключи, кошелек, паспорт на всякий пожарный, а то вдруг трамвай переедет невесть кого, а это оказывается не невесть кто, а вот она – Альбина Спиридоновна… Дословно выговорив эту тираду, тетка поднимает палец и с пафосом провозглашает: челюсть!

Супин хмыкает. Маня пытается держать серьез.

– И чаще всего именно вставную челюсть она и забывает. Когда я дома, то торжественно выношу ей стакан, чтобы Аля не топталась по паласам в ботинках… Господи, что я несу? Простите, Павел Иванович. И… я никогда не поверю в то, что вы делали что-то противозаконное! – выпаливает она вдруг.

Супин одарил Маню привычным стальным взором.

– А почему вы так уверены в этом?

– Ну… потому…

– Хороший ответ, Голубцова. В вашем стиле. Расстаньтесь с иллюзиями! Ни одно предприятие в России, да, я думаю, и в мире не может работать исключительно «в белую». Загнется через полгода. Серая бухгалтерия, конечно, существует. Даже виртуозно замаскированная, она может быть при желании раскрыта. Весь вопрос в том, кому и зачем понадобилось ее извлекать на свет Божий, насколько… кровожадны намерения того, кто эту проверку инициировал?

– То есть мы можем еще отбиться? В смысле откупиться?

Полкан морщится. Он и так наговорил тут этой бесхитростной дурехе Голубцовой лишнего. Впрочем, не такая она, видимо, дуреха.

– Я поняла! Если генеральный не пойдет на сделку с захватчиками, его и вас могут посадить. В первую очередь, конечно, вас. Это же вы подаете на подпись

директору «неточные» цифры. А у генерального, как водится, хороший адвокат, которому не только ручку, но и голову позолотят. Какая гадость…

Маня вздыхает и с силой накручивает на шею шарф.

– Не переживайте, Мария, мы еще поборемся.

Полкан встает, будто дает понять, что нежданная аудиенция закончена. Маня надевает пальто, застегивает сапожки, поправляет сумку на плече. Она тянет время. И Супин это прекрасно понимает.

– И все же, Павел Иванович, сегодня вам определенно некуда идти.
Не выспитесь, душ не примете, не поедите толком…

– Вы решили взять надо мной шефство, Голубцова? Спасибо, благородно. Но час назад я уже успел принять целую ванну в своей бывшей квартире и отобедал пельменями, салатом и даже мороженым с фисташками. Просто я не могу там ночевать. Как раз по причине того, что не высплюсь. А на наших стульях с подушкой и пледом спится за милую душу.

Маня краснеет до свекольного оттенка. До слез.

«Да пошел ты! – проносится в ее голове. – Не высыпается он, видите ли, с бывшей женой. Долговязый гигант убогого секса…»

Буркнув: «До свидания», – Маня открывает дверь.

И нос к носу сталкивается с охранником с проходной – кругленьким черноглазым крепышом. Видимо, он бежал по лестнице, так как тяжело, отрывисто дышит.

– Я… это… по поводу Супина…

Маня уступает ему дорогу и мчится к лестнице.

«Это у меня от стресса нестандартная реакция на происходящее. Увидеть в задрипанном Полкане благородного и оболганного героя?! Нет, права Блинова, я наивная простота! А Супин – ушлый жучок, мошенник и рыбина арктическая!

Еще неизвестно, почему его жена бросила. Не высыпается он, видите ли… И зачем он вдруг этому охраннику понадобился?»

Маня проходит через вертушку. В будке секьюрити маячит какой-то пацаненок с круглыми глазищами и тонкой шейкой.

Маня кивает ему, выходит на улицу и раскрывает зонт. Его тут же начинает рвать из рук ветер. Голубцова пытается идти бочком, чтобы зонт не выворачивало и им можно было прикрываться от колкого снега с дождем.

Нет, так ползти до метро не представляется никакой возможности! Маня с трудом складывает коварный, будто нарочно ее допекающий зонт и, подтянув воротник повыше, а голову втянув в плечи, шагает, стараясь обходить лужи, кое-где затягивающиеся льдом.

Она минует унылую промзону: бетонные корпуса-коробки тонут в ледяных сумерках. Дорога круто забирает вправо. Из-за поворота выныривает фургончик: Маня отскакивает от веера брызг, поднятых его колесами.

– Пардом, мадам! – кричит ей вслед галантный мальчишка-водила, притормозив и опустив стекло. Кабину фургончика сотрясает бешеный роковый ритм, несущийся из динамиков.

– Мадемуазель, между прочим, – себе под нос бурчит Голубцова и спотыкается, угодив каблуком в колдобину. Ни зги в этом пропащем углу не видно!

Наконец Маня выходит на оживленную и яркую улицу, будто прощенный грешник выбирается из тьмы преисподней на свет Божий. Проспект, окаймленный желтоглазыми фонарями, вокруг которых вьется снежная мошкара, мерно и деловито гудит роем машин, слепит огнями магазинов. Маня отвлекается от тяжелых мыслей.

«Куплю у метро пирожных. Будем с Алей пировать назло всем врагам! Может, и бутылочку взять?.. Нет, Але поблажек давать нельзя. Только сунь палец – откусит руку. Значит, пирожные и телячья колбаска вместо горячительного. И будет нам праздник».

Маня копается в сумке, отыскивая кошелек, который по непреложному закону перемещается сверху в недра «вещмешка». Именно так называет Ритуся Манину необъятную суму.

К пирожным и колбасе добавляется свежайший батон и йогурты для завтрака. Из магазинчика Голубцова идет уже в более приподнятом настроении, предвкушая скорый уютный ужин с Алей и потом очередную серию детектива, который знает, кажется, наизусть, но каждый раз смотрит с превеликим удовольствием, ожидая крылатых фраз главного героя, на которые можно щелкнуть пальцами и удовлетворенно выдохнуть: «Гениально…»

– Голубцова! И все-таки я вас встретил!

Маня оторопело смотрит на Полкана, который стоит перед ней, поправляет смущенно очки и… улыбается. Первый раз в жизни улыбается, насколько помнит Маня.

– Ой, а что это вы тут… без пледа?

Полкан смеется. Если можно, конечно, конвульсивное подергивание лица назвать этим милым словом.

– Мария, меня вытурили самым беспардонным образом. Следователи дали жесткие инструкции на вахте не пускать подследственного Супина в контору. А я коварно прошмыгнул мимо новичка-охранника, который отпустил старого цепного пса по нужде. Чуть, понимаешь ли, не проворонил он в конторе поджог или теракт по моей милости!

– Ага. Или кражу вещдоков.

– Ну да. Например, пальмы, – очень серьезно уточняет Супин.

Маня смотрит внимательно в глаза «мошенника и рыбы арктической» и вдруг начинает хохотать как умалишенная. Полкан тоже активно дергает лицом, обнажая безупречные зубы. Маня с интересом разглядывает раздухарившегося шефа.

Наконец, с силой выдохнув, он произносит:

– Мария, если вы и в самом деле столь великодушны, что готовы пустить на ночлег сомнительного товарища с уголовным настоящим, то я бы хотел воспользоваться вашим предложением…

– Разве я вам что-то предлагала? – лукаво замечает Голубцова.

Полкан тушуется. Лицо обретает привычные стальные углы: жесткие скулы, литой подбородок, нависшие брови.

– Да ладно, я действительно хотела вам предложить переночевать у моей бабы Али. В ее огромной трешке еще парочку подследственных главбухов можно разместить. Гостиная с диваном у нас абсолютно свободна.

– Послушайте, это и вправду удобно? – мнется и, кажется, краснеет Полкан.

– Удобно, пойдемте уже!

Маня намеревается рвануть к входу в метро, но Полкан кричит:

– Машина! Вон же моя машина! Ой, кажется, ее сейчас утащат… По логике сегодняшних событий именно таким и должно стать завершение этого чертова дня.

Супин мчится к проезжей части, где какую-то светлую машину, моргающую аварийкой, уже собираются поддеть немилосердные тросы эвакуатора.

Затем Маня наблюдает, как Полкан сухо, в привычной манере объясняется с инспектором, как тот подписывает какие-то бумаги, видимо, штраф. Маня мерзнет, качается с мыска на пятку и ждет, ждет, ждет…

«Все-таки это унизительно – набиться вдруг в опекунши к чужому дядьке. С неясным прошлым и еще менее ясным будущим».

Она вдруг решает позвонить Ритусе. Но подруга не отвечает. Тогда Маня наговаривает какое-то сумбурное сообщение. Конечно, Рита повела себя

странно… Впрочем, Маня готова списать все на ее традиционную мигрень. И потом, ей так хочется рассказать Кашиной о необычном сюжетном повороте этого вечера!

Полкан снова воздвигается перед ней незаметно.

– Извините, Мария. Вы совсем продрогли. Садитесь скорее.

Он джентльменски распахивает перед Голубцовой дверцу машины, и Маня, наконец, усаживается на переднее сиденье.

Главбух обегает машину, садится за руль.

Заведя мотор, бормочет:

– Со мной, похоже, связываться отныне небезопасно… Что за тридцать три несчастья?

– Я не намерена… связываться, – с достоинством произносит Маня. – Я просто предлагаю краткосрочную помощь. Начальнику.

– Бывшему.

– Ну да. Действующему бы не осмелилась. Корыстные цели – увы, не моя история.

Супин косится на Голубцову, и машина мягко трогается.

* * *

Рита поднимает голову с подушки, смотрит на часы. Циферблат едва различим в зыбком луче неонового света, проникающего с улицы. 18:50. Значит, она все же смогла уснуть, наревевшись, так ничего не решив и не придумав. Голова болит не столь отчаянно, но слабость не дает возможности встать, заварить кофе, принять еще одну таблетку. Рита зажигает лампу на прикроватной тумбочке, смотрит на опостылевшую комнату. Квартира

в спальном районе, которую она снимает и врет себе, что снимает временно, – чужая, аляповатая, с претензией на шик. Чего монструозный столик в стиле «бюджетный ампир» стоит! Рита зарывается в подушку.

«Так и вся моя жизнь – претензия, времянка, поза… вранье. Работа – ширма. Дом – фантом. Супружество – мираж. Дочь… Нет, только не думать сейчас о Нике… Как из всего этого выбираться? Что делать? Кого просить о помощи? Некого. Не-ко-го…»

И снова змеи впиваются в виски, надбровья. Рита стонет. Она не может отогнать эту назойливую боль так же, как и мучительные воспоминания.

С Михаилом Кашиным Маргарита познакомилась на конкурсе вокалистов. Она, юная студентка музыкального училища, не была, увы, фавориткой, слетела со второго тура. Но один из спонсоров по достоинству оценил не голос, а необыкновенную красоту конкурсантки. На первом же свидании он предложил Рите руку и сердце. И девушка согласилась.

Михаил казался милым, щедрым, влюбленным, и… он был очень богат. Да, не молод, разведен, жестковат в обращении с людьми. И вообще, в этих настороженных глазах, презрительно изогнутых губах, гориллоподобном затылке и виртуозном умении переходить в разговоре с партнерами на какой-то дикий сленг с цыкающими интонациями и снова возвращаться к нормальной речи, угадывалась биография человека… бывалого. Но какое это имело значение? Главное, она чувствовала себя с ним защищенной и любимой. И просыпалась от прикосновения бутона живой розы к лицу. Михаил умел «делать красиво».

Правда, уже во время медового месяца, в долгом путешествии по Европе, муж стал отдаляться. Он вдруг умерил страстные восторги, а последние три дня перед возвращением и вовсе заказывал себе отдельный номер. Говорил, что ему необходимо отоспаться и сосредоточиться перед каторжной Москвой.

Рита ловила на себе досадливые взгляды. Что могло его раздражать в супруге, втиравшей в лицо и шею крем перед сном? Да, Маргарита привыкла подолгу сидеть перед зеркалом в расслабленной позе, рассматривая себя, и что?! Еще она любила тщательно примерять платье к ужину. И смаковать ломтики фруктов, глядя перед собой, ничего и никого не видя вокруг. Обожала лежать

по часу в ванне… Рита не любила спешки, бытовых проблем, жесткого расписания и излишних усилий. И очень любила себя.

Еще она любила музыку. Или ей казалось, что она ее любит?

Мечты о звездной карьере певицы – страстные мечты, лелеемые с детства, разбились в одночасье. Рите хотелось продолжать учебу. Дочке исполнился год, и ею занималась услужливая нянька.

– Петь будешь для гостей, – распорядился Михаил, удостоив Риту минутного разговора на эту тему. Более минуты он с женой никогда не разговаривал. В этом Кашина не лукавила перед Маней.

– Камин, свечи на рояле, и ты, моя жена – украшение дома, в чумовом платье, с высокой прической царицы. Полный эпос, ёлы… И, кстати, если тебе в самом деле надоела роль домохозяйки, то освоишь немудреную бухгалтерскую науку. Будешь помогать мужу в бизнесе.

Он едва коснулся ее лба дежурным поцелуем.

– В конце концов, я ведь тоже стишки кропаю. Да! Но не претендую на славу Есенина, ёлы… И даже Круга. И ты угомонись.

– Миша, но я готовилась к этому с детства! Музыкальная школа, училище…

– Ты не закончила и второго курса.

– Да! Потому что вышла замуж и ты потребовал, чтобы я бросила музыку! – Она схватила его тогда с силой за галстук.

Он поперхнулся и грубо оттолкнул ее. Рита упала в кресло.

– Я ничего не требовал. Ты сама выбрала материнство. И правильно, ёлы, сделала!

Маргарита нехотя освоила «немудреную бухгалтерскую науку» и какое-то время исправно ездила в офис мужа. Правда, подчиненные Кашина всячески

тушевались и ограждали жену босса от прямых обязанностей. Рита все больше пила кофе да листала журналы, откинувшись в мягком кресле и покачивая на мыске изящную туфельку.

А потом она встретила у своей бывшей однокурсницы продюсера Гогу. Кажется, это было придуманное имя. Он и внушил Рите, что вполне можно жить вот такой, придуманной жизнью. А кто, собственно, из успешных людей существует иначе? И Гога с легкостью управлялся с иллюзорной своей судьбой. Намного лучше, чем Маргарита. Она надоела ему так же быстро, как и Кашину. Но Рита верила этому «ничтожеству и профану» и требовала держать слово – таранить ей дорогу на эстраду.

– Марго, давай будем реалистами, – усмехался лощеный альфонс с мопассановскими усами. – Какой у тебя вокальный потенциал? Одной мордахой сегодня сцену не удовлетворишь. Ты смотрела шоу «Соловей»? Ты слышала эти голоса?!

– Я готова пройти кастинг! Я готова, – лепетала Кашина, униженно бегая за Гогой из комнаты в комнату. Он уворачивался, хихикал, отводил глаза.

Все, что она смогла тогда – швырнуть стакан с виски о стену и покинуть этот треклятый особняк. Захлопнуть с треском дверь в вожделенный и беспощадный шоу-мир. В угоду ему она сломала свой брак – опостылевший, унизительный, подчиненный жесткой воле ее дельца-мужа.

Узнав об измене жены от «доброжелателей», Михаил немедленно и, кажется, с облегчением подал на развод. И Нику отобрал у «безмозглой жены». Рита видела дочь по воскресеньям и два раза в год проводила с ней пару недель на курортах. Ника даже во сне не выпускала маминой руки из своих ладошек…

При разводе Рита получила от мужа приличную квартиру в центре: благоверный бросил ей «угол», что кость – брехливой собаке. Квартиру надо было ремонтировать, обставлять. А еще хотелось одеваться так, как Рита привыкла. И есть то, что нравится. И ездить на «ауди». И делать перед всеми победный вид, держать марку. Рита Кашина – королевна, звезда!

Тогда, пять лет назад, она и попала в бух-столовку по рекомендации «сочувствовавшей» ей бухгалтерши мужа. Видимо, та выбрала для Риты самое

безнадежное место на земле. Единственным светлым пятном в жутковатой картине мира, развернувшейся перед Ритой, стала Маня Голубцова. У Кашиной никогда не было настоящих подруг, будто на лбу роковой красотки горело клеймо: опасная соперница!

Маня, которую Ритуся поначалу тайно презирала, как и всех в этом смехотворном заведении, покорила ее своей бесхитростностью и необъяснимым приятием всего, что подбрасывала судьба-индейка. Жизнелюбие и не показная доброта, в которую Рита долго не хотела верить, сломили многолетнюю оборону и подозрительность Кашиной. Она полюбила искреннюю Маню, которая приняла новую подругу безоговорочно, всей душой. Но и ей Маргарита стыдилась говорить правду. Боялась сознаться во лжи, разочаровать, обидеть близкого человека.

«Потом как-нибудь я все расскажу. Манька поймет. Потом…» – уговаривала себя Рита и спешила в бух-столовку, потому что там ее встречала широкая улыбка и сочувственный взгляд верной Маньки.

Зарплаты Рите хватало ровно на неделю. Что оставалось делать? Она, недолго думая, продала квартиру, уверяя себя, что еще немного – и жизнь наладится. Просто нужно немного потерпеть. А там все решится, авось, само собой. Быть может, встретится настоящий, любящий и, конечно, богатый мужчина? Мужчины встречались, столбенели… и вскоре исчезали. А деньги таяли, будто сосулька в марте: еще вчера она ужасала своей величиной, а сегодня вся вышла, истаяла звонкой капелью, под которой уже плескались ошалевшие от восторга воробьи…

Маргарита снова смотрит на часы и заставляет себя встать с кровати. Яркий свет, вспыхнувший на кухне, слепит. От него глаза начинают болеть еще нестерпимее. Рита проглатывает таблетку, включает чайник и садится к столу. Такого чувства отчаяния и загнанности она не испытывала никогда в жизни.

«Все, это конец. Это – конец… Капкан готов захлопнуться. Нет времени на то, чтобы бороться за дочь. Нет веры в то, что Михаил отдаст Нику. Есть гадкое, омерзительное чувство того, что ее использовали. А чего бы и не использовать подленькую и слабую дрянь?.. Утопить такую – никто и не пожалеет».

Рита вдруг вскакивает. В глазах – решимость и яростный восторг. Слезы высыхают и даже голову перестают терзать ядовитые твари. Она дергает один

из ящиков, швыряет блистеры, баночки, картонки на пол. Среди лекарств должно храниться бабушкино сильное снотворное. Она его называла «три печати». Рецепт при покупке отбирался: наркотические препараты в последние годы находились под жестким контролем. Какая внученька молодец оказалась – не выбросила их тогда, разбираясь в бабулином добре, не послушала маму. Никогда Рита не слушала маму. А мама не слышала Риту… А внучка, умница, будто предчувствовала, как все повернется.

«Только бы они не были просрочены», – бормочет Кашина.

Вот! Наконец-то. Четыре упаковки! И срок годности истекает через полгода. Ну, значит, судьба…

Рита вытряхивает пластинки с маленькими белыми шариками на стол.

Как их все выпить махом? Конечно, размешать в воде!

Она действует четко, деловито. Достает ступку, большую чашку, вишневый джем. Вдруг горечь несусветная?

Солидная горка таблеток превращается в медной ступке в пустячную порцию мелкого порошка.

«Слава Богу, никакого запаха. И, кажется, не слишком горько».

Рита пробует порошок кончиком языка.

«Пора… Может, записку написать? Да за каким дьяволом?! Кому надо, увидят все эти приготовления. Надеюсь, Кашину достанет ума что-нибудь соврать дочери? А мама… Очень быстро успокоится, высказавшись, что “этого-то она и ждала, и боялась. С Риткой вечно беда”.

Ну, беда, так беда».

Рита усмехается и, поднимая чашку, громко произносит:

– Счастливо оставаться!

Но даже прилично отравиться ей, неудачнице, не суждено. Мобильный! Разорви его…

Рита бессильно опускает чашку, опирается на стол руками и ждет, когда настырный звонок прекратится. Ей хочется пройти в комнату и посмотреть, кто звонит. Вдруг Михаил? Вдруг… все-таки есть надежда, и она совсем скоро обнимет Нику, и привезет ее сюда, и устроит ей уютный уголок? И спать они будут вместе на большой Ритиной кровати. И дочка не будет выпускать мамину руку из своих ладошек.

Рита бросается в комнату, хватает телефон. Маня… Это звонила Маня. Рита хочет выключить аппарат, но он оживает вновь. И снова это звонит настойчивая подруга.

«Переживает за мое самочувствие. А когда узнает, что Рита уже… Что все… Будет искренне страдать. Спасибо, Манюнь. Спасибо за все…»

Телефон все трезвонит, и Рита никак не решается отключить его. За звонком следует смс: «Абонент “Маня” оставил вам голосовое сообщение». Кашина слушает его.

«Рита, как ты? Что?! У меня миллиард новостей! Мы все поняли про рейдерский захват! Представляешь, наша вшивая канцелярка кому-то вдруг срочно понадобилась. У Супина есть подозрения – кому».

Маня понижает голос.

– Рит, ты только не падай, но Полкан сегодня ночует у нас с Алей. Если бы ты услышала мой звонок, то узнала бы все подробно. А так – мучайся до завтра! А если хочешь – рви к нам! Нужно выработать план сопро…

Время, отпущенное на голосовое сообщение, заканчивается, и Голубцова замолкает на полуслове.

Рита прижимает телефон к груди, о чем-то лихорадочно размышляя.

– Неужели есть Бог на свете? Не знаю… Но ангел-хранитель по фамилии Голубцова у меня есть!

Ритуся бросается к шкафу, достает свитер, джинсы, стягивает волосы резинкой. Прежде чем покинуть квартиру, она проходит в кухню и выливает отраву из чашки в раковину.

Глава третья

– Я – дома! – кричит Маня, входя в квартиру и ободряюще кивая Полкану, топчущемуся на коврике у двери.

– Ой, как ты поздно! Мы уж с Тосиком волноваться начали, – показывается из кухни тетя Аля.

«Тетка трезвая, это хорошо. К нам заявился Тосик – это плохо», – думает Маня и представляет Але смущенного Супина.

– Это мой коллега, Павел Иванович. Сегодня он погостит у нас.

Тетя Аля замирает, прижимая руки к воротнику стеганого халатика. Выглядит она обаятельно и комично, напоминая мультипликационный персонаж. Маленькая, хрупкая, с круглым одутловатым личиком, выдающим женщину, преданную крепким напиткам, но при этом пекущуюся о своей внешности. Морковные губки-бантики, нарисованные бровки, нарумяненные щеки-плюшечки, доверчивые и любопытные глаза. Ни дать ни взять – состарившаяся Минни Маус.

«Похоже, это и вправду добрейшее существо», – думает Павел Иванович, с достоинством кивая тетке.

– Простите за беспокойство. Я бы не осмелился потревожить вас, если бы не милостивое предложение Марии. Она вот выручила меня…

Аля перебивает главбуха, уморительно хихикая:

– Да что вы, Павел Иванович, гости Манечки – мои дорогие гости. У нас так редко кто-то бывает. Живем, как два тополя на Плющихе – старый да малый.

– Аль, при чем тут тополя? К тому же их было три! Давай, бери сумку, ставь чайник, – распоряжается Маня.

Чувствуется, что она привыкла верховодить. Полкан готов поверить в сумбурный рассказ Голубцовой, которым она развлекала его дорогой. Отношения с хозяйкой у Мани едва ли не родственные. Бывает, платит постоялица через пень-колоду, зато никогда не оставит тетку голодной и в бедламе. У них полный порядок. И в квартире, и в холодильнике. И вообще, Маня очень горда, что с ней тетя Аля пьет не так свирепо, как раньше.

В коридорчике показывается крупный молодой блондин с меланхоличным взором, залысинами на висках и бульдожьим прикусом. Он одет в байковую рубашку, трeники и женские тапочки. Ни на одного известного мультипликационного героя он не похож, но достоин того, чтобы стать прототипом нового. Например, медведя-библиотекаря. Или моржа-краеведа.

– Привет, Трофим! Что это ты на ночь глядя? – не слишком вежливо приветствует гостя Маня.

– Мимо ехал… – вздыхает огорченно Трофим, которого домашние зовут Тосиком.

– Ну ладно, знакомьтесь и давайте уже есть. Страшно мы голодные.

– Я – нет. Я как раз не так давно… – опять пытается влезть со своими объяснениями-извинениями Полкан.

Но Трофим уже сует ему розовые тапки размера на два меньше нужных и философски изрекает:

– Да, все мы рассчитываем на что-то большее… Я вот сегодня кулебяку купил, а она с грибами оказалась. Хотел с мясом. Грибы, впрочем, тоже питательны…

Супин понимающе кивает и всовывает ступни в тапочки.

– Холодает? Неоспоримо… – ведет сам с собой диалог Трофим. – Глобальное потепление – лишь геополитическая игра. А, казалось, лето не обманет в этом году. Я, кстати, Трофим Седов – племянник Альбины. Служу большому пути.

«Только сумасшедших нам не хватает для полной сегодняшней радости», – обреченно думает Полкан, проходя за Трофимом в кухню.

– Опять тень на плетень наводишь, Тосик! – сердится Маня, накрывая на стол.

– Трофим хочет сказать, Павел Иванович, что он работает водилой на рефрижераторе. Гоняет «молочку» из Белоруссии. Давай, «большой путь», режь хлеб! – командует Маня.

Трофим послушно и кротко вздыхает:

– Этой женщине я не могу отказать ни в чем. Я люблю ее. А она меня – нет. Быть может, потому, что любит вас. И даже наверняка. Треугольный закон жизни.

Супин вытаращивается на Тосика. Маня краснеет, но, похоже, не слишком тушуется. Скорее, ее раздражают глупые сентенции Трофима.

– Ну, понеслась душа в рай! На прошлой неделе я, кажется, любила соседа Пупырникова.

– Нет! Пупырников категорически отпадает, – поджимает губы Трофим.

– Так, к столу, мои дорогие! – тетя Аля ставит на стол пузатую ароматную кастрюльку.

– Как знала, что гости придут, картошечку с тушенкой сварганила, – она смущенно и несколько виновато улыбается.

– Надеюсь, чекушку к приходу гостей не заготовила? – наступает на тетку Маня.

– По двадцать капелек на человека, Манечка, только для поддержания сосудов, – оправдывается Аля.

– Ну ладно, тащи, – машет рукой Маня. – У нас проблемы на работе. Требуется стресс снять, хоть я и не любитель таких средств. Вы как, Павел Иванович?

– Можно, честно говоря, – кивает Супин.

Ему вдруг становится спокойно и уютно среди этих чужих, странных и милых людей.

В руках Али непостижимым образом материализуется бутылка «Праздничной», и тетка ловко и радостно разливает водку по рюмкам.

– За встречу! – провозглашает она.

– И за обратную сторону неприятностей, без которых мы бы не ощущали всей остроты грядущих приятностей, – выводит Трофим.

– Оратор, блин, – бормочет Маня и пригубляет рюмку.

Ужин проходит в дружеской атмосфере с сюрреалистическим налетом.

– Соли, Павел Иванович? – спрашивает Маня.

– Спасибо, да, – конфузится Супин.

– Вся соль – в деталях. Вот вы явно расстроены, но неприятный случай свел вас вместе в общем противлении каверзам судьбы. Деталь: Павел Иванович стесняется принять из рук Маши солонку, дабы не соприкоснуться руками. Выводы делайте сами.

– Испорченные детали, Тосик, у тебя в мозгу и глазах. Павел Иванович взял солонку из моих рук и не поморщился, – ерепенится Маня, прожевывая огненную картошку, которая обжигает ей нёбо.

– Не морщи, Манечка, лоб. Эта очень дурная привычка придает возраст.

Аля хмелеет от одной рюмки. Щеки-пышечки краснеют, глаза лучатся мудрой снисходительностью. Тетка пытается незаметно проглотить еще одну порцию «Праздничной».

– Эта деталь, Алечка, лишняя, – берет рюмку из теткиных рук Маня.

– Очень вкусно. Очень, – кивает головой главбух.

– Картошка для нашей страны – свята. Если мы и устоим, то только благодаря картошке, полной отмене налогов для малого бизнеса и бескомпромиссном возврате капиталов из-за рубежа, – назидательно произносит Трофим Седов.

Супин смотрит на него, едва заметно улыбаясь.

– И капиталы не вернем, и налоги не отменим, и картошкой вряд ли прокормимся. Тут, простите, я с вами поспорю.

– А вы спорьте! Вы же, извините, бухгалтер?

Трофим возбуждается, отодвигая тарелку.

– Да, я бухгалтер.

– Даже главбух, – уточняет Маня.

– У нас на комбинате главбухом был милейший Василь Казимирович. Но он плохо видел. И его подсидела востроглазая Улька. Такая воровка, что фокусники позавидуют! Блеск, что за воровка! – восторженно замечает тетя Аля, которую развозит на глазах.

– Аля! – угрожающе смотрит на нее Маня.

– Это она так, к слову. Павел Иванович – очень честный человек. Форма его ногтевых пластин говорит об этом недвусмысленно, – машет мясистым пальцем Трофим.

– Ой, пластинку бы поставить! Вы любите песни Игоря Николаева? «Паромщик» – моя любимая, – всплескивает ручками Аля, порываясь встать.

– Переправа, переправа… – вздыхает Седов. – И коней, конечно, не меняют, но все же, все же…

«Праздничная» завладевает его организмом медленно, но верно.

– Спасибо большое. Очень вкусно, – отодвигается от стола Супин.

Видимо, в режиме доморощенного театра абсурда ему долго находиться сложновато.

– Заболтали вы человека, а у нас еще чай с пирожными, – ворчливо говорит Маня.

Но робкая попытка оставить Супина за столом терпит неудачу. Главбух решительно поднимается.

– А я вот ем пирожные, поэтому не столь подтянут, как некоторые герои дебета и кредита. Каждый по-своему справляется со стрессом, – бормочет Трофим.

Допотопный холодильник, занимающий полкухни, вдруг вздрагивает и издает оглушающее рычание, после чего заходится в ритмичных конвульсиях.

Тут тетя Аля, будто опомнившись, вскрикивает:

– Так что у вас стряслось, Манечка?!

И в ту же секунду в дверь долго и тревожно звонят. И снова, и снова…

Маня с Алей переглядываются, а Трофим, сдвинув брови, поднимается, готовый к обороне. Супин бледнеет, щурит глаза и отшатывается, плюхаясь на табурет.

– Доверьтесь мне! – Седов категорично отстраняет всех, находящихся на кухне, и бесшумно двигается к двери.

– Мань, это я, Рита! Маня, это я! Открой!

Кашина за дверью кричит странно, болезненно и снова со всей силы жмет на звонок.

– Ритуся! – кидается к двери Голубцова.

Маргарита влетает в квартиру подруги расхристанная, бледная и неузнаваемая. Никакого макияжа, волосы растрепаны, джинсы заляпаны. И безумные, расширенные, как под пыткой, глаза.

– Машка, Павел Иванович… дорогой! Это я! Все из-за меня, гадины, – Рита плюхается на пуфик у входа и начинает рыдать, закрыв лицо руками.

Через четверть часа, накачанная успокоительными и умытая, Рита сидит в кресле как свергнутая, но несломленная царица, сложив аккуратно руки на коленях и глядя прямо перед собой на журнальный столик. На нем лежит газета со статьей «25 правил успешной женщины».

Говорит Кашина тихо, бесстрастно, как человек, которому нечего терять.

– Михаил сказал, что уезжает в Таиланд. Совсем уезжает. Там он уже наладил сетевой бизнес… Но ему нужна «подушка безопасности». Так он выразился, имея в виду свободные средства. Средства в представлении Кашина начинаются с десятка миллиона долларов. Да…

Рита трет виски. Утихшие змеи, кажется, вновь поднимают ядовитые свои головы. Но Маргарита должна справиться, рассказать все, что произошло, покаяться и… попросить о помощи у людей, которых она предала.

Никто не нарушает затянувшегося молчания. Маня сидит рядом с Ритой на кресле, подавшись вперед. Она смотрит на подругу недоуменно и сочувственно. Полкан – холодно, отстраненно. Он сидит напротив Кашиной на диване. Ничто не выдает истинных чувств, бушующих в его душе.

Тетя Аля выглядывает из-за двери. Она не осмеливается стать полноценным участником рокового разговора, но и вовсе устраняться считает неправильным.

Мало ли какой реакции ждать от людей, нервы которых накалены?

Трофим же с исследовательским азартом наблюдает за происходящим, принеся с кухни табурет и водрузившись на него прямо посреди гостиной, которую Маня прочит в спальное место Павлу Ивановичу.

С силой вдохнув, как перед рывком, Рита продолжает:

– Я все эти годы не могла говорить правду, Манюнь. Не знаю, почему я так устроена?.. Раз соврав, не хотела, стеснялась открываться, оправдываться, расписываться во лжи.

– Ритусь, все это уже совершенно неважно. Ну, молчала и молчала. Не жила на Рублевке – да и гори она синим пламенем! Теперь я понимаю, почему ты меня в гости ни разу не пригласила. Муж-самодур ни при чем. Но ведь я же не палач с карающим мечом, не судья. И сама приврать люблю.

– Мань, ты – лучше всех… Ты – любимый мой человек, – Рита хватает Манину руку, прижимает к губам.

Маня мягко руку отнимает.

Супин не выдерживает и хриплым шепотом, сдерживая клокочущую ярость, произносит:

– Так что все-таки по делу? Бывший муж шантажировал вас ребенком, и вы… что вы сделали? Шпионили, копировали отчеты? Этого недостаточно для обвинений в сокрытии налогов. И почему ваш муж выбрал нашу компанию? Она не столь масштабна для такого… серьезного бизнесмена.

Рита смотрит на него затравленно, собирается с силами.

– Да, я все расскажу. Я все… Значит, он предложил оставить Нику в России, у меня. Давать средства на ее содержание. Но для этого я должна была скопировать содержимое вашего компьютера.

– Вы так хорошо владеете компьютером? Никогда бы не подумал… Все файлы защищены сложными паролями, – Супин презрительно кривит рот.

Рита опускает голову. Маня видит, что подруга готова расплакаться. Когда она начинает говорить, губы ее дрожат.

– Помните, недели три назад я оставалась в конторе дольше всех?

Маня кивает:

– Да, ты ждала звонка какого-то поклонника. Что-то там было лирическое.

– Ну да, очень лирическое…

Рита судорожно всхлипывает.

– Павел Иванович в тот день был в разъездах, я специально подгадала. А вахтера нашего подпоила. Это оказалось проще простого. Взяла ключ от вашего кабинета, впустила человека, который на раз-два справился с компьютером, ну и… все. Ждала, что бывший муж вернет мне дочь. Но дни летели, а он и не думал исполнять обещание. Вернее, отговаривался, что дело должно быть закончено. И я ждала всего того, что произошло сегодня. Этого ужаса…Словом, я попала в самую страшную ситуацию, которую только можно представить. Вернее, я до сих пор до конца все это осознать не могу. И не знаю, что делать. Разве что отравиться…

– Глупости! – фыркает Маня. – Предупрежден – значит, вооружен. Надо остановить твоего бандита! Рит, но в самом деле, зачем твоему Кашину наша канцелярка? Да еще в Таиланде. Бред какой-то.

– Конечно, она ему ни за чем. Цель – надавить на генерального, заставить его подписать продажу цветущей компании за копейки, а потом втридорога перепродать. Контора наша всплыла случайно. Во-первых, она безобидна. Во-вторых… – Рита сбивается, никнет.

– А во-вторых, что же не воспользоваться услугами готовой на все бывшей жены? – припечатывает Супин и поднимается с дивана.

Он смотрит на Трофима и вдруг, ухмыльнувшись, говорит:

– Трудно найти философское обобщение в данной ситуации, Тосик?

– Отчего же?

Трофим театрально откашливается. Будто собирается арию Германа врезать, не сходя с табурета.

– Там, где видятся стены, нужно отыскать двери. Или прорубить их.

– В смысле? – поправляет очки главбух и добавляет во взор весь сарказм, на какой способен.

– Нужно выкрасть у грязного дельца ребенка этой несчастной феи и показать кукиш ему вместо вашей компании. Мария совершенно правильно сказала – предупрежден, значит, вооружен.

– И как же все это можно, интересно, провернуть? – Супин едва не хохочет.

– А что? Тосик дело говорит. Нужно все это просто обмозговать. Сесть за стол и обмозговать, – всовывает в комнату мышиное личико тетя Аля.

– Только без «Праздничной», – уточняет Маня, которой, похоже, очень нравится идея Трофима.

– Вы что, с ума посходили?! Или вовсе не имели его никогда?! Не понимаете, с кем имеете дело? – в Супине просыпается здравомыслящий и властный начальник.

Все смотрят на Риту – ждут ее вердикта. Она поднимает глаза, с изумлением и надеждой оглядывает людей, которые, похоже, не собираются ее проклинать, и качает головой:

– Ну, убивать он вряд ли кого-то будет… Время вроде не то.

Полкан страдальчески вздыхает и хлопает себя по бокам:

– Какое везение! Просто обнадежили и осчастливили вы нас, Кашина!

Но решительно настроенная троица «умалишенных» уже в возбуждении начинает излагать свой план возмездия-спасения.

К полуночи шестнадцатый лист со схемой фиктивного ДТП, разработанный Трофимом, летит под стол. Неумолимый Супин отказывается рисковать!

– Во-первых, может пострадать ребенок, – талдычит он как заведенный.

– Не может! – дружно рявкает «оппозиция».

– Во-вторых, там может быть вооруженная охрана.

– Не может! – трясет головой Ритуся.

– В-третьих, мы сами становимся уголовниками. И на это я никогда не пойду!

– Вот! – поднимает палец Трофим.

– Герой не может замарать белых перчаток! И дело вовсе не в средствах, которые и вправду никогда не оправдываются целью. Средства наши вполне невинны. Без шума и пыли перегородить дорогу, пригрозить моим газовым пистолетом водителю, передать с рук няни в руки Риты дочку и… все!
Это позволит дезориентировать на время нападавшего и сделать следующий решительный выпад!

Седов вдохновенно припадает на правую ногу и выбрасывает вперед руку с невидимой шпагой. Треники натужно трещат. Трофим, стушевавшись, садится на табурет, умерив пафос.

– Да, и сделать решительный выпад. Поднять службу собственной безопасности полиции, подключить юристов вашей компании. Ведь Маргарита готова давать показания против бывшего мужа?

Рита не слишком уверенно кивает.

– Нет, все это сомнительно! – не сдается прагматичный главбух. – У них мой компьютер. Там полно компромата. А показания Кашиной проще простого опровергнуть. Женщина хочет вернуть дочь и затевает аферу против мужа. Да еще и ребенка крадет… Нет и нет! Нас самих потом выкрадут и из кожи вытряхнут. Посочиняли сказочки – и довольно.

Супин роняет голову на костлявые руки. Маня смотрит на крупные ногтевые пластины шефа, которые, по мнению Трофима, говорят о его безупречной честности, и проникается страхами Полкана.

– Что-то и вправду не слишком гладко. Нет, Нику при помощи Трофимовой фуры мы, может, и отберем за милую душу, а вот наша судьба… Не говоря уж о канцелярке…

Она обреченно мотает головой.

Тетя Аля, запрокинув голову, пытается выцедить оставшиеся капли «Праздничной» из бутылки, и, отправив поллитровку в помойку, со вздохом выходит из-за холодильника, который вновь оживает со страшным грохотом.

– Нужно действовать поту… соспу… тьфу, дьявол! По-сту-па-тель-но, – выговаривает она наконец.

На недоуменные взгляды отвечает, сжав кулачки:

– Вернуть Никочку, а там уж смотреть по обстановке!

И снова все начинают говорить одновременно, перекрикивая друг друга.

Проспорив без толку еще битый час, заговорщики расходятся в полном изнеможении. Ритуся укладывается с Маней и, прижавшись к ней, немедленно начинает реветь.

– Ну все, Ритуся, все… Как-нибудь образуется… – гладит подругу по волосам Голубцова и тоже шмыгает носом.

– Ты разлюбишь меня, Мань? Перестанешь уважать? Как я могу так жить? Что творю? – причитает Рита. – И Полкан меня ненавидит. Мне кажется, он бы меня Тосиковой фурой втихаря переехал.

– Ерунда, Супин вполне ничего дядька оказался. Мне он даже немного симпатичен. Не такой уж истукан и страхолюдик, как мы думали раньше.

– Так, Голубцова, ты, часом, не влюбилась? Нет, я понимаю, что на фоне Тосика он может и приглянуться, но все же это… Полкан! Наш дубовый Полкан! – поднимает голову с подушки Рита. Слезы ее мгновенно высыхают.

– Рит, ну хватит уже! Какой там влюбилась – скажешь тоже, – вздыхает Маня. – Я после своего наркоши ни одному мужику не поверю. Не-а! Как же он виртуозно шифровался! Сборы, спецзадание и прочая лабуда. И я, представь себе, верила! А он зелье через границу гонял, гнида… И соседке – девчонке семнадцатилетней траву подбрасывал. А потом, с ума сойти, когда я все узнала и менты меня трясли, он презрительно так фыркнул: «Да ничего бы у нас стоящего все равно не получилось. Ты – человек совершенно не моей группы крови». Представляешь? Он еще гордился своей дурной кровью!

Маня в возбуждении садится, обхватив колени руками.

– Господи, да есть ли среди них нормальные? – стонет Рита. – Если добрый, как Тосик, то с прибабахом. Неглупый, как Полкан, но с морозильной камерой вместо души. Про Кашина вообще умолчу. Знаешь, меня в те годы, что я была замужем, не оставляло ощущение, что я проживаю какую-то чужую, навязанную мне жизнь. Вот, думаю, проснусь завтра – а жизнь, наконец, станет моей. Не в смысле – легкой, защищенной. Но… моей! Я буду чувствовать в ней себя хозяйкой, жить в полную силу, дышать! И понимать, что хоть что-то значу… Я, кажется, именно сейчас начала бы жить вот так, по-настоящему. Но без главного человека это невозможно. Дочки.

На глаза Риты вновь наворачиваются слезы, она судорожно сглатывает комок, появившийся в горле.

Маня поворачивается к подруге, смотрит на абрис ее совершенного профиля, едва угадываемого в темноте. На щеке в зыбком отсвете блестит тонкая

влажная полоска.

– Рит, и все-таки надо будет на что-то решиться. В конце концов, обойдемся и без Супина. Трофим все очень неплохо придумал.

– Да, смелый он, этот твой влюбленный дальнобойщик.

– Прекрати. У нас с ним такая давняя игра. И давай уже спи. Утро вечера мудренее, а на работу явиться завтра необходимо.

– Это да, – вздыхает Ритуся.

– Мань, а скажи, почему ты всегда и всем помогаешь? Ну ладно – Але. Ты от нее зависишь и вообще это уже давние отношения. Но Полкан? Притащить чужого, безразличного к тебе мужика и порхать вокруг него… Я не понимаю.

Маня молчит. Рита уже жалеет, что наговорила лишнего и, видимо, обидного. Вот вечно у нее так: слова слетают с языка раньше, чем она успевает их «причесать».

– Ритусь, а вот если бы со мной случилась беда, ты бы помогла? – спрашивает глухим голосом Маня.

– Ну конечно! Мы же подруги! Друзья, родственники – это святое. Я-то о том, что мне трудно понять. Ну, например, взять да помочь на пустом месте Блиновой. Вот ты можешь помочь Блиновой? Да ты ведь святая. Ты и Блиновой бросишься помогать. Я лежу рядом с матерью Терезой. Аминь. – Рита поворачивается на бок, складывается калачиком.

«Да уж. Из меня мать Тереза, что из Тосика – кинозвезда, – думает удрученно Маня, которой почему-то неприятно выслушивать восторги подруги. Совершенно незаслуженные. И помочь Блиновой – не такой уж подвиг. Если речь, конечно, не пойдет о пересадке Маниной почки. Что за белиберда в голову лезет? Ритка уже сопит мирненько, и Полкан будто лег и умер».

Маня прислушивается: из-за стенки, за которой находится Супин, не раздается ни звука.

«Отличная нервная система у счетовода», – думает Голубцова и закрывает глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/anastasiya-mashkova/pouschaya-v-repeynike/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/anastasiya-mashkova/poyuschaya-v-repeynike-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить